

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.10>

UDC 929
LBC 65.02

Submitted: 25.07.2023
Accepted: 28.10.2023

SOCIAL-CULTURAL AND FAMILY-LIFE SPACE OF TWO VOLGA CITIES IN THE 1950s – 1960s IN WOMEN'S SOCIAL MEMORY

Natalya L. Pushkareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Alexander V. Zhidchenko

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* An appeal to the study of the everyday life of large and small Soviet cities in the years of the greatest hopes and convictions in the right direction of the socio-political development of the country (in the 1950s – 1960s) forces us to study the structure of thinking of compatriots with the help of ego-documents. Women's memory is more selective in this regard; women remember the details of episodes better than men and describe them, declare their readiness to remember faster, date more accurately, and use more emotional terms. *Methods and materials.* These features prompted a longitudinal project aimed at studying women's memory of the period of the political thaw and collecting unstructured biographical interviews in which the respondents themselves highlight the main points. Biographical narratives of the inhabitants of Zhigulevsk and Stavropol (Togliatti) are a collection of evidence of an objective given. *Analysis.* These subjective narratives of the actors of the social process make it possible to assert the veracity of what has been stated, if not from a historical, then from a personal perspective. Embedded in the historical context, they pave the way for understanding the details of social interactions, among which gender played a role. The socio-cultural history of the two cities is a women's history of Soviet life with its disorder, anxiety about the family and children, and resentment that strength and time were killed in lines, but at the same time (due to its connection with youth) this story is surprisingly positive. Common difficulties rallied and united women, and the theme of mutual support overlaps the memories of residents of the two cities about annoyance and trouble. *Results.* Common difficulties rallied and united the women, and the theme of mutual support overshadowed the memories of residents of the two cities about annoyances and troubles. The exemplary life, glorified by state propaganda, was created precisely by the efforts of women. In building it, the women of the new Soviet cities overcame many difficulties, simultaneously appreciating both the romance of the surrounding urban space of the Volga and the architectural landscape of the new city. At the same time, the peculiarities of overcoming difficulties in the conditions of such a Soviet general historical context created frames of social optimism among women of that time. *Authors' contribution.* N.L. Pushkareva proposed the idea and concept of the article and wrote the final text; A.V. Zhidchenko collected, systematized, and analyzed sources of personal origin during the field research. *Funding.* The study was carried out within the framework of the RSF project 24-18-00212 "Women's family memory in Russia in the 18th – 21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission."

Key words: women, women's history, women's social memory, ego-documents, oral history, anthropology of everyday life.

Citation. Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. Social-Cultural and Family-Life Space of Two Volga Cities in the 1950s – 1960s in Women's Social Memory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 114-126. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.10>

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ И СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДВУХ ПОВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ 1950–1960-х гг. В ЖЕНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Наталья Львовна Пушкарёва

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Александр Владимирович Жидченко

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Обращение к исследованию обыденной жизни больших и малых советских городов в годы самых больших надежд и убеждения в правильном направлении социально-политического развития страны (1950–1960-е гг.) заставляет изучать особенности мышления соотечественников при помощи эго-документов. Женская память в этом отношении более избирательна, женщины лучше мужчин запоминают детали эпизодов и описывают их, быстрее заявляют о готовности вспоминать, точнее датируют, используют более эмоциональные термины. *Методы и материалы.* Эти особенности подтолкнули к лонгитюдному проекту, нацеленному на изучение женской памяти о периоде политической оттепели и сбор неструктурированных биографических интервью, в которых сами респондентки выделяют главное. Биографические нарративы жителей Жигулевска и Ставрополя (Тольятти) являют собой совокупность свидетельств объективной данности. *Анализ.* В то же время нарративы акторов социального процесса субъективны, но безусловно правдивы – если не с исторического, то с личностного ракурса. Встроенные в исторический контекст, они прокладывают путь к пониманию деталей социальных взаимодействий, среди которых свою роль играли и гендерные. Социокультурная история двух городов – это женская история советского быта с его неустроенностью, тревогой о семье и детях, обидой на то, что силы и время были убиты в очередях, но в то же время (в силу связанности с юностью и молодостью) эта история удивительно позитивная. *Результаты.* Общие трудности сплачивали и объединяли женщин, и тема взаимоподдержки перекрывает воспоминания жительниц двух городов о досадах и неблагополучии. Образцовый быт, воспетый государственной пропагандой, создавался именно усилиями женщин. Выстраивая его, женщины новых советских городов преодолевали множество трудностей, одновременно оценивая и романтику окружающей городское пространство Волги, и архитектурный ландшафт нового города. При этом особенности преодоления трудностей в условиях подобного советского общеисторического контекста создавали фреймы социального оптимизма у женщин того времени. *Вклад авторов.* Н.Л. Пушкарёва предложила идею и концепцию статьи, осуществила написание окончательного текста; А.В. Жидченко осуществил сбор, систематизацию и анализ источников личного происхождения в ходе полевого исследования. *Финансирование.* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

Ключевые слова: женщины, женская история, женская социальная память, эго-документы, устная история, антропология повседневности.

Цитирование. Пушкарёва Н. Л., Жидченко А. В. Социально-культурное и семейно-бытовое пространство двух поволжских городов 1950–1960-х гг. в женской социальной памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 114–126. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.10>

Введение. В ставшей ныне знаменитой книге американских русистов П.Л. Вайля и А.А. Гениса «60-е. Мир советского человека» период политической оттепели характеризуется как «особый период в советской истории, период эклектичный, противоречивый,

парадоксальный, но объединенный многими общими тенденциями» [5, с. 23]. Соглашаясь в целом с этой характеристикой, эвристически полезно все же уточнить: насколько такие «общие тенденции» были характерны не для столиц и крупнейших индустриальных цент-

ров (о которых, главным образом, и рассуждают эти авторы), а для локусов провинциальных, незначительных, удаленных от Москвы и Ленинграда. Среди них и так называемые наукограды (Академгородок под Новосибирском, Жуковский, Дубна, Обнинск, Троицк), и «новые рабочие города» 1950–1960-х гг. (Салават, Ангарск, Городок Нефтяников, ныне ставший частью Омска, правобережная часть Магнитогорска или, например, Волжский). К новым рабочим городам, рожденным тем периодом надежд на прекрасное будущее, относятся Жигулевск и Ставрополь-на-Волге, получивший в 1964 г. имя генсека Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, города гидроэнергетиков, оба возникли на волне послевоенной индустриализации при строительстве новых ГЭС.

Методы и материалы. Повседневную жизнь названных выше городов можно реконструировать на основе привычных историко-источников (нормативных постановлений центральных и местных властей, сообщений прессы, статистики), но особую глубину подобным исследованиям малозаметного и привычного дают эго-источники, в том числе устная история. Биографические нарративы жителей Жигулевска и Тольятти могут быть осмыслены и как совокупность свидетельств объективной данности, и как субъективные нарративы акторов социального процесса, в которых сказанное правдиво, если не с исторического, то с личного ракурса. И, наконец, собираемые тексты, будучи сопоставленными исследователями с собственным социальным и научным опытом, да еще встроенные в исторический контекст, – путь к пониманию деталей социальных взаимодействий, среди которых свою роль играли и гендерные. Эмпатия, сопереживание, признание особого значения женской эмоциональности в передаче пережитого как особенность полевой работы специалиста, признающего значимость гендерной методологии [4], – способ углубления воспроизводимой исследователем картины обыденного мира. Такая реконструкция реальности *других* через анализ собственного социального опыта (дистанцированного временем, поколениями, территорией) может быть отнесена к «понимающей социологии», ведь мы предлагаем оценить современное

видение общего прошлого, нашу работу, построенную на биографических инсайдах о нестоличной советской жизни 1950–1960-х годов.

Направление изучения особенностей повседневности через анализ именно женского повседневного опыта как более связанного с ежедневным решением проблем обыденного существования обоснованно представлено прежде всего в работах отечественных историков и этнологов (Н.Л. Пушкарева [21], А.В. Белова [3], Н.Б. Лебина [15], З.З. Мухина [19]), но активно развивается и зарубежными коллегами (Г. Лапидус [29], С. Бойм [27]), в том числе изучающими рассматриваемый нами период (М. Илич [28]). Однако работы зарубежных коллег строятся на анализе реалий жизни крупных, чаще всего столичных городов. Крайне мало внимания уделяется зарубежными специалистами особенностям провинциальной жизни Советской России. Не было и попыток углубиться в суть эмоционально-психологического фона женского переживания трудностей провинциального повседневья и основ того социального оптимизма, которым было пропитано тогдашнее существование старшего поколения.

Анализ. Обращаясь к истории крупнейшего индустриального района страны – Поволжья – и двум очень похожим друг на друга населенным пунктам по обе стороны Волги – Тольятти и Жигулевску, стоит поставить задачу собрать свидетельства живой устной истории. Сопоставить жизнь в этих городах, реконструировав ее на основе женских воспоминаний полувекковой давности, означает оценить влияние на повседневный быт внешних и внутренних факторов в 1950–1960-е годы. Разным ли был социальный состав населения этих городов (ведь Жигулевск был комсомольской стройкой с преобладанием молодежи, а Тольятти возник как новое поселение взамен затопленных Куйбышевским водохранилищем деревень), разным ли (как следствие) было ведомственное покровительство? Была ли сходная степень модерности и/или сохранения патриархальности в семейном быту? На что в реальной жизни могли претендовать работницы, оказавшиеся волею судеб по одну сторону Волги, на службе у гигантской Куйбышевской ГЭС, и по другую – в обслуживающих этот гигант предприятиях?

Для антрополога повседневности ответ на эти вопросы – способ оценить устойчивость традиционного в изменчивом обществе. Если оба этих города были почти идентичны по архитектурно-планировочному ландшафту городских пространств, если оба имели несколько кварталов «сталинского ампира» ленинградской архитектурной школы, но в основном были застроены позже, уже в годы быстрого жилищного строительства времен оттепели, то была ли различной женская повседневность, насколько на нее влияли разные жилищные условия, принадлежность к социальному слою администрации или собственно рабочих? Наша условная научная гипотеза как раз связана с желанием подтвердить или опровергнуть факт различия форм женской повседневности в социальной памяти жительниц двух недалеко друг от друга расположенных городов. При этом в контексте общего нарратива мы хотели бы не противопоставлять женскую память жительниц одного города другому, а рассматривать собранные рассказы как единое целое, но с возможными различиями в случае их выявления.

«Девушка-гимнастка»: память о формировании городского пространства Ставрополя и Жигулевска. История слияния в мае 1949 г. поселков нефтяников Отважное и Моркваши в рабочий поселок Жигулевск, рядом с которым годом спустя началось сооружение Куйбышевской ГЭС, в памяти живших тогда в этом районе запечатлелась плохо. Даже о торжестве в честь открытия станции при участии Н.С. Хрущева, случившемся в августе 1958 г., никто не вспомнил. Первым делом на просьбу рассказать о конце 1950-х отзываются историями появления в этих краях молодежи, комсомолок, становившихся гидростроительницами и пополнивших ряды новоселов. Походя сообщили, что среди прибывших было немало и узников исправительно-трудовых лагерей (что подтверждается и письменными источниками [17]), а также военизированных строительных отрядов.

В те же годы Ставрополь-на-Волге попал в зону затопления и рабочий поселок Комсомольск и в 4 км от него вниз по Волге – Шлюзовой вошли в состав уже нового Ставрополя. Квартиры в нем в 1950-е гг. получали работники гидроузла, порта, шлюзов [26], а

сам город (ровно так же, как стоявший на противоположном берегу Жигулевск) проектировался при участии Ленинградского государственного института проектирования городов (Ленгипрогор). Представительницы образованных слоев Ставрополя-на-Волге и Жигулевска не без гордости говорили о том, что их дома были спроектированы градостроительницами из северной столицы. *«Когда-то наш город планировали ленинградские архитекторы. Отсюда стройность улиц, стиль... Стены с историей. Сколько поколений детей бросали об них мяч, сколько голосов они слышали, сколько ласточкиных гнезд свито под крышами...»* [23]. С особым достоинством прозвучало даже имя их поволжской родины – *«маленький Петербург»* [27]. Такого рода аналогии были типичны для жителей новых промышленных центров (скажем, жительницы Ангарска себя называли «таежными ленинградками») [2]. Важно и то, что к архитектурно-планировочному ландшафту городов, действительно, приложили ум и руку именно женщины – создательницы новых кварталов (в те времена в Европе и США таких примеров не было).

Автором генерального плана Жигулевска была архитектор Ленгипрогора Н.В. Кашкадамова [4], а самые выразительные и изящные дома Шлюзового (ныне – Ставрополь) принадлежат авторству Е.А. Юзбашевой, положившей начало целой династии архитекторов [18], прославившихся позже в столицах.

Как в Ставрополе, так и в Жигулевске создавалось особое городское социокультурное пространство, которое сохранилось в женской социальной памяти как образцовое, родное, но утраченное. Т. Свичкарь писала о Жигулевске 1960-х: *«Фонтаны, журчание воды... Сейчас прежних нет ни одного. Но они были, и их нельзя забыть: фонтан в “верхнем”, больничном, парке – глубокий. Здесь стояли скульптуры спортсменов, и я удивлялась: зачем было лепить этих грубых мужиков с веслами и мячами, когда гораздо красивей – тоненькая девушка-гимнастка?»* [23]. Однако сталинским ампиром могли похвастаться разве что центральные части двух городов, в основном же прибывшие в конце 50-х – начале 60-х говорят, что *«там были одни котлованы и “скеле-*

ты” зданий и сооружений», а женщинам с высшим образованием приходилось идти, например, «*табелъщицами на строительстве домов механосборочного производства, так как в школе мест не было*» [13, с. 147]. На прибывавших из столиц женщин место строительства нового города (который станет позже Тольятти) производило «гнетущее впечатление»: «*Жара 35–37 градусов. Всюду песок, в котором утопали высокие каблукки... Многие жители грызли семечки, на ходу сплевывая шелуху. За несколько дней я только раз увидела грузовую машину, в основном встречались повозки на быках и лошадях*», да и само название одной из улиц (Забегаловская) было для жителей говорящим [24]. Для интеллигенции (тех же врачей) условия работы на этом новом месте «*были трудные: бездорожье, разбросанность домов на большие расстояния друг от друга, неуточненные адреса, номера домов, отсутствие освещения на улицах, транспорта, стаи бездомных собак...*», «*осень – дождь, холод, заморозки*», «*население очень болезненно покидало Старый город, где жили их предки*», было «*недоброжелательно, что, естественно, сказывалось и на отношении*» к прибывшим [14]. Меж тем переселение шло быстро: «*...часть заселялась в сборно-щитовые домики, а кто-то праздновал новоселье в первых многоэтажных домах. На улицах было шумно, повсюду люди что-то строили, обустривались, мастерили. Буквально за месяц [в 1953 г. – Авт.] появилось около 400 зданий*» [25].

Горожанки Жигулевска и ставропольчанки: неоднородный социальный состав. Поскольку строительство Куйбышевской ГЭС было объявлено ударной комсомольской стройкой, стройкой пятилетки, сюда хлынул поток молодежи из деревень Самарской области и других регионов Поволжья, а затем и со всей страны. Девушки без образования соглашались быть низкоквалифицированными разнорабочими, выпускницы строительных техникумов получали более профессионально ориентированную работу (хотя и не особо оплачиваемую). Дочери и жены опытных профессионалов, направленных на Куйбышевскую ГЭС, могли тоже найти себе применение, но, как правило, не соответствовавшее их обра-

зовательному статусу и умениям. Как часто случалось в семьях совруководителей (главных инженеров, директоров, партийных функционеров), жены «не выставлялись», обеспечивая надежный тыл мужьям и занимая скромные должности. Так, жене директора Жигулевского комбината строительных материалов – отличнице Новочеркасского политеха, прельщенной возможностью уехать в новый город и получить там сразу собственное жилье, пришлось стать простым технологом, заведовать технической библиотекой. «*Она поддерживала мужа в его порыве усовершенствовать труд цементников, освободила от рутинной домашней работы, занималась воспитанием сыновей, дочки, внучки*» [22, с. 95–96]. Сразу согласившись ехать за мужем в новый город (с собой у молодых специалистов были только ванночка для купания ребенка и перина), ей пришлось жить вначале в общежитии – во имя скорейшего получения квартиры (и ее дали быстро, не прошло и года, в хорошем районе – Яблоневом Овраге [22] будущего Тольятти).

Сарафанное радио работало бесперебойно, и манком для притока населения было как раз обеспечение своим бесплатным жильем. В начале 1950-х гг. сюда ехали рожденные незадолго до войны и в ее годы, стремившиеся к созиданию, готовые жертвовать комфортом ради будущего. В начале 60-х прибывала уже молодежь с иными установками, ориентированная на обретение квартиры, более высокую зарплату, спецнабжение. Пригласившие подруг девушки помогали устроиться, попасть в одну бригаду, в одно общежитие, стать соседями. Иные оказывались на месте уже с семьями. «*При устройстве на работу зашла в отдел кадров с подругой по вузу, оставив ребенка с мужем в коридоре – больше не с кем было оставить*» [11]. На жен рассчитывали, когда какие-то низкоквалифицированные работы надо было выполнить аврально – например, сдать ГЭС в 1958 г. к приезду ведомственной столичной комиссии: «*“Бери автобус, садись, вези всех жен руководящих работников, с детьми, с тряпками, швабрами, с ведрами!” – Я по Жигулевску проехал, часа за полтора собрал около шестидесяти человек, и к утру все привели в порядок*» [20]. Благоустройство,

высадка зеленых насаждений, даже судя по архивным фото 1950-х, – почти исключительно была «женская работа» (на фото видны бесконечные женские платочки) [14]. Никакого равенства в обеспечении жильем не было: руководящая верхушка ИТР, парторги и комсомольские вожаки могли рассчитывать на особые условия – *«деревянные финские домики на 2 хозяев с водопроводом, канализацией, ваннами и водяным внутренним отоплением»*. «Простым» строителям предназначались двухэтажные восьмиквартирные щитовые дома с 8 сараями рядом (по 8 кв. метров каждый). *«Однако и здесь селилось не 8 семей, как предполагалось, а 12–15. Иметь отдельную квартиру считалось роскошью»* [14] – во всяком случае, на всем протяжении 1950-х годов.

Спецснабжение Жигулевска и Ставрополя, обусловившее женский быт. При советской плановой экономике в рабочих городах середины XX в. женский быт сильно зависел от того, как город снабжался. Уровень снабжения определял затраты времени хозяйки на домашние хлопоты (закупку продуктов, очереди за ними, заготовку и приготовление еды). Наличие «домашних помощников», как именовали тогда бытовые приборы, подчас не очень доступные в финансовом отношении, было мечтой, она осуществлялась не всегда и не сразу. Различия в снабжении и образе жизни семей и их хозяек оказались заметны при суммировании сообщенного респондентками и воспоминаний старожилов двух городов.

Продукты и товары первой необходимости поступали в Тольятти и Жигулевск в разном количестве, ассортимент тоже был весьма различным. Со строительством в 1950-е гг. молодого ведомственного Жигулевска старый портовый Ставрополь стал второстепенным. И хотя жилищное строительство было интенсивным и одновременным, все же женщины частенько ездили из Ставрополя в Жигулевск, особенно когда надо было обеспечить праздничный стол. Он тоже отличался: ставропольчанка вспомнила, как *«13-ю зарплату обмывали: пельмени, щи»* [12], а старожилка Жигулевска назвала другие продукты – «колбаса сырокопченая, индейка, мясо с сыром» – и добавила: *«...стол был очень разнообразен»* [2]. С конца 1950-х в Жигулевске были отличные

полуфабрикаты, в 1960-е гг. к ним добавились кукурузные палочки, конфеты «Соломка», «Чернослив в шоколаде», надолго ставшие фирменными лакомствами города [14]. Снабжение Ставрополя в 1950-е гг. сильно отставало. Старожилки рассказывали, как ездили *«в Жигулевск и за вещами»*, с женской наблюдательностью отметив, что *«в Жигулевск завозили Ленинградский фарфоровый завод, или Дулево, а нам – привезут подешевле сервизы, в Жигулевск же – подороже и качеством получше»* [10].

Отсутствие в ставропольских магазинах модных платьев и другой нужной одежды при желании «быть не хуже» заставляло решать проблему самостоятельно. Почти все девушки и женщины в новых районах города умели шить, делились друг с другом выкройками, обрезками тканей, фурнитурой: *«Перешивали мы сколько! Все были молодые, “моднячие”, и бабочки, и шнурочки, и горошек хотелось; раньше голь была на выдумку хитра!»* [12]. По деревенской традиции женщины сами шили и постельное белье (*«наволочки сами шили, руки до сих пор помнят»*) [2]). Сложные фасоны и в портовом Ставрополе, и в «ГЭСовском» Жигулевске доверяли в 1950-е, и особенно в 1960-е гг., портнихам. По воспоминаниям, их было немало; многие жены речников, отправив мужей в плавание, оставались с детьми и осваивали шитье на заказ. В ходу была и бесплатная взаимопомощь: соседки могли приглядывать за детьми, готовы были постирать-погладить вещи подруг, работавших на ГЭС и не имевших много свободного времени [7]. Случалось, старшие работницы полагали, что *«шить и вязать могут только бездельники»*; тем не менее украшением кровати в комнате (на которую днем никто не садился) был непременно отделанный ришелье (род ажурной вышивки) *«оборник»*; в домах хранились праздничные скатерти с ручной обработкой краев [12].

С началом строительства в Ставрополе (который вскоре поменял имя на Тольятти) Волжского автомобильного завода (ВАЗ) в 1966 г. снабжение городов круто изменилось, и уже из Жигулевска, утратившего свой статус «нового города», жительницы стали ездить в новые роскошные магазины «автограда». По воспоминаниям старожилок, в Тольятти

конца 60-х уже можно было купить даже редкие в то время грампластинки с песнями зарубежных исполнителей [12], не говоря уже о желанных фасонах одежды и модной обуви.

Локальный романтизм женской повседневности: рыбалка и совместное пение. Два новых быстрорастущих города по обе стороны могучей, овсянной романтикой русской реки были отличным субстратом для рождения ненаносного патриотизма. Юноши и девушки гордились «быть первыми», искренне веря, что они созидают светлое будущее и в то же время остаются продолжателями самобытных духовных традиций этих мест [16]. Сам ландшафт порождал романтизированную оценку собственных жизненных успехов, равно как социокультурный запрос на определенный уровень житейской устроенности середины XX века. Размышления о прошлом, о пережитом в женских рассказах о своем быте и повседневности полувековой давности заставили рассказчиц сделать вывод о значимости малой родины для обретения особого духовного состояния, характеризуемого положительным восприятием действительности, уверенностью в возможностях улучшения жизни, осознанием себя общественно значимой силой. *«Мы вообще не представляли свою жизнь без Волги. Всю жизнь прожили в 100 метрах от нее. Тот запах, когда она цветет, – ни с чем не сравнимый. Везжала когда – все время переживала, вспоминала. Мне было тоскливо. Стоило мне только вернуться домой, вдохнуть запах цветущей Волги, все вставало на свои места»* [12].

Романтика жизни в Положье рождала романтизацию повседневья в городском пространстве: *«Мы “дарили” друг другу деревья. Когда гуляли по улицам с мамой и сестрой, звучало: “Смотри, какая красивая береза. Я дарю ее тебе!” И до сих пор, пробегая мимо, вспоминаешь: эта береза – мамина, эта – Олина, эта – моя»* [23].

Очевиден и утилитарный смысл соседства с великой рекой: она была «кормилицей», рыбалка была любимым занятием и формой досуга (*«мужики рыбы наловят, бабы ухи наварят»* [9]). Шли рыбачить и пешком, ехали иной раз на попутках, одно время популярны были семейные выезды на мотоциклах, кто-то имел знакомства и умел подобраться

к местам клева на технических судах (*«на рыбалку на ту сторону нас с мамой вывозили “Чайки РБТ”, были баржи с лесом, продуктами – можно было подплыть на маленьком суденышке, что-то купить у них, мы покупали сушеную рыбу»* [12]). Но конечно, едва в 1970 г. начал выпускать продукцию ВАЗ, народ стал вставать в очередь на приобретение автомобиля. Вопреки стереотипу о том, что рыбалка – дело мужское, жительницы приволжских городов наперебой вспоминали именно свое участие в организации рыбалок, вспоминали восторженно: *«Рыба какая водилась! Поймали осетра, вытащили, наготовили целое эмалированное ведро черной икры – не знали, что с ней делать. Всех угощали, хранить-то было негде»* [7].

Песни о Волге, как рассказали помнящие оттепельные времена, были неотъемлемым элементом любых досуговых застолий. Старшее поколение женщин, родившихся в окрестных деревнях Куйбышевской области, знали песни довоенных лет. Молодые девушки, создавая новые семьи в 1950–60-е гг., пели песни, которые звучали по радио, *«и ни одна радость, и ни одно горе без песен не обходилось»* [9]. Традиция волжских песен более поддерживалась ставропольчанками, так как среди них было больше рожденных в Поволжье, чем в эклектичном по социальному составу Жигулевске. По профессиональному составу в Ставрополе тоже было больше «речников», знавших *«застольные речные песни»*. *«У мамы отец был с Урала, мать с Черкасс – так они пели протяжные песни, “бабье нытье”. Мама играла на гитаре, балалайке, мандолине. Застольные песни – каждый праздник, свадьба, гулянка, да или просто собрались выпить. Каждый раз пели»* [12]. Песни были непременным элементом коллективного досуга и старших, и младших. Пели душевное, переключавшееся с индивидуально-личностными переживаниями, дорожили дружественным настроем, возможностью запеть начало, чтобы песню продолжили другие, рассчитывая в ответ на доверие [15]. В картине мира советской песни тех лет находила выражение марксистская модель развития истории и общества «по спирали» (один «рай» сменял другой, повторяя

его в более совершенном виде), поэтому в текстах советской песни всегда было ожидание нового «витка», подготовки к «светлому будущему» [1].

Женская взаимопомощь в повседневном быту Жигулевска и Тольятти. В женских бытовых практиках новых многонациональных городов Поволжья середины XX в. отчасти сохранились этнические традиции, заметные в особенностях проведения праздников, в кулинарии, подходах к воспитанию детей. При этом все респондентки спешили подчеркнуть, что тогда «все дружили – русские, мордва, чувашки» («мордва варила зеленые щи из свинины или говядины – так запах стоял на весь подъезд» [12]). Готовить нехитрые повседневные блюда: каши, квашеную капусту, борщи, блины, по воспоминаниям респонденток, их учили мамы, а тех по большей части учила сама жизнь: послевоенное поколение не знало «разносолов», училось всему с ходу: «...мама моя – детдомовская, [у нее в детдоме] повара-немцы жили, она научилась у них – делала винегрет, огурцы солила, котлеты жарили на ура» [12]. В отличие от молодого Жигулевска, в Ставрополе было больше представительниц старшего поколения (переселенок из зоны затопления при строительстве ГЭС) – те привыкли готовить помногу и часто. Любили угощать соседей: простые продукты стоили в советское время недорого («Соседка тетя Зоя очень любила печь, пекла на все квартиры в нашем подъезде. У нее всегда пахло сдобой, дрожжами: то пирожки, то беляши» [8]).

Главной же сферой женской взаимопомощи была забота о детях. В молодых городах Поволжья далеко не все молодые мамы могли рассчитывать на помощь старших родственников. В 1960-е гг., ставшие десятилетием химизации промышленности, немало молодых женщин устроилось на работу на новые заводы, получив жилье и создав там семьи, но сохраняя и связь со старшим поколением («В Жигулевск меня отдали в 1961 году, девятимесячной, бабушке с бабушкой. Маме нужно было возвращаться на работу, выходит на свой химический завод» [23], – рассказала жительница Ставрополя). Так везло не всем. У многих осталось впечатление, что множество детей в

двух городах родилось почти одновременно (что закономерно для молодого населенного пункта). С этим и связано воспоминание, что детей воспитывали коллективно, «всем двором» («забот и хлопот много, одна [мама] смотрит за всеми детьми, другие побежали по магазинам: в 4–5 утра вставали, сначала – в магазин, затем у плиты варили каши» [12]). Детвора во дворе копировала в играх образ жизни мам: играли в продуктовые магазины, готовили на домашней кухне и старались потом угостить всю округу. «Дома никто не хотел сидеть – все лызгали на улице. Кто [играл в] казаки-разбойники, [а кто] магазин “Продукты” из песка [строил]: кирпич, палка – готовые весы. Выдумывали ерунду себе из всего»; «всегда старших уважали» [12] – соседи приглаждали за детьми без всяких просьб. Воспоминания о женской взаимопомощи тех лет открыли диссонанс между современным закрытым и небезопасным городским социальным пространством, в котором родители не доверяют детей улице, и советским образом жизни, где улица формировала характеры и социальную компетентность детей. Это заметно даже в городах, построенных в 1950-е гг., где «спецконтингент» подведомственных домов соседствовал с жильем рабочих и семьями вольнонаемных строителей, часто – бывших заключенных, среди коих были и политзэки [20]. Девочек «не боялись никуда отпускать», они «с пацанами где только ни лазали: и гаражи, и стройки, и дебаркадер стоял, мы туда спускались по трапам» [2]. Город имел некое общее лицо, «все друг дружку знали», родительницы легко отпускали дочек на Волголесосплав, на пляж [12]. Атмосфера дружбы пронизывала оба рабочих городка, сплоченных особенной корпоративной культурой и общими трудностями («интеллигенции много было, архитекторы, инженеры – после постройки ГЭС соседи поехали в Египет ГЭС строить, так мама приглаждала за их квартирой») [12].

Отдельной частью воспоминаний о взаимопомощи тех лет остались бытовые детали, связанные со стиркой. До появления в домах стиральных машин в распоряжении хозяек Жигулевска и Ставрополя вплоть до середины 1960-х гг. были по большей части алю-

миниевые тазы и деревянные доски с волнистой поверхностью. Было принято кипятить, подсинивать, иногда даже крахмалить белье, на стирку у каждой хозяйки обычно уходил день. («Цветного постельного белья не было. И у всех кипельно-белое [так в тексте вместо «кипенно». – Авт.] должно было оно быть. В соде кипятили, затем синькой подсинивали, сушили всегда на улице – и зимой и летом, дома не сушили никогда» [14]). Стиральные машины несильно изменили женский быт и не так уж упростили его, ведь машина заменяла лишь одну из многоэтапных процедур («первая стиральная машинка появилась у нас в 1958 году с 2 валиками активаторного типа, ты стираешь, а полоскать все равно в ванне будешь, и все вручную отжимаешь, полуавтомат такой») [9].

Поскольку до конца 1950-х гг., как в Жигулевске, так и в Ставрополе, семьи чаще всего получали не отдельные квартиры, а комнату в коммуналках, бытовые дела (стирка – не исключение) рождали пространство общения, совместного времяпрепровождения, не исключая элемент соревновательности: «У всех были алюминиевые оцинкованные баки большие. Заходишь на кухню, там все парит! Все кипятят – по 2–3 хозяйки сразу. Хвастались друг перед другом, у кого белье чище» [7]. В рабочих городах середины XX в. (в отличие от строившихся в то же время наукоградов) бытовые вопросы – стирка, готовка, зашивание – занимали большую часть свободного женского времени. Девочки обучались бытовым мелочам походя, и лайфхаки (которые именовали попросту «маленькими хитростями»), запомнившиеся тогда, ныне с радостью сообщались рассказчицами: «Крахмалили белье обязательно! Крахмал делали сами: натирали картошку на крупной терке, заливали холодной водой, потом отжимали, так внизу был крахмал сначала розового цвета. Его надо 10 раз водой размыть, чтобы слить розовизну, потом складывали в баночки, потом белье крахмалили. Воротнички стояли!» [7]. На вопрос о целесообразности столь сложных процедур старожилки убеждали, что с крахмалом все вещи принимали нужную форму («...встряхнула, натянула – и он [пододе-

яльник или простыня. – Авт.] жестковатым становится», без крахмала же «2 раза поспал – и белье уже не такое» [2]). Утюги в тогдашнему быту обоих поволжских городов использовались также нередко еще угольные; их разогревали на строившихся в новых жилых домах голландских печах [8] («В наших домах были сначала голландки, уж потом, когда в Тольятти стали газ проводить, по благу нашли газовщика – он все голландки подключил к газу, поставил нам газовые колонки» [2]).

Культурно-досуговые практики горожанок. В отличие от повседневной жизни наукоградов, также возникших в середине XX в. и ставших центрами неформальной, неорганизованной, отчасти оппозиционной культуры, рабочие города Поволжья не были избалованы вниманием известных писателей, актеров и эстрадных исполнителей. Жительницы рабочих городов довольствовались в свободное время, скорее, роскошью общения друг с другом. И самыми знаменательными событиями в часы досуга для них становились семейные праздники. Собирались большими компаниями там, где позволяли условия, – в чьей-то большой квартире. В гости принято было приходить всей семьей вместе с детьми разных возрастов, которые на время застолья были предоставлены сами себе. «Детям не разрешали за столом сидеть», их могли «в отдельной комнате всех собрать» или посадить за отдельный детский столик [12]. «Мы никогда с родителями не сидели за столом, – вспоминает ставропольчанка. – Даже кусок не удавалось иногда ухватить – чтоб не подслушали – истории-то обсуждались разные, не для детских ушей» [8]. Еще более многолюдными были свадьбы, объединявшие соседей, друзей, коллег по работе. В женской социальной памяти они – одни из самых запомнившихся торжеств. Взаимопомощь в их подготовке была их незаменимым спутником («Если у кого-то дома свадьба, работают на это все соседи» [2]).

Практически во всех семьях принято было отмечать и государственные, официальные идеологические праздники. «На 1 мая любили ходить, мы ждали этих мероприятий. Мать покупала красный коленкор, шила всем флажки на деревянной палоч-

ке – все мы ходили с флажками» [12]. Фотографии тех лет донесли атмосферу общей радости и приподнятого настроения участниц демонстраций и шествий, тем более что именно женщины и создавали уют городского пространства в этих молодых городах. По воспоминаниям, «цветы на балконах любили разводить абсолютно все, особенно герань, красную, розовую» [7]. Но счастливыми обладательницами комнат или квартир с балконами в 1950–60-е гг. были не все, и многие женщины терпеливо разбивали клумбы перед подъездами, выращивали цветы под окнами своих домов.

С начала 1960-х гг. жигулевцам начали выделять землю под дачные участки, с 1965 г. дачи начали строить и ставропольцы. Женский досуг стал досугом дачным. Женщины себя ощущали на дачах хозяйками собственных соток, помогали мужьям строить сараи и простенькие садовые домики; стройматериалов не хватало, и в ход шло все, что можно было достать. В воспоминаниях о дачном досуге всплыла тема неравенства в снабжении более ведомственно обеспеченного Жигулевска и (до появления ВАЗа) скромного Ставрополя. «Когда родителям и нашим друзьям в 1965 году дали данные участки, они строили дома друг другу – деревянные, дранкой обшитые и раствором [обмазанные]. Тяжело было со снабжением, все с трудом доставали» [12].

Где, как не на даче, летом можно было передать детям домашние хозяйственные навыки? Для поволжских городов 1960-х гг. типичным было содержание на дачных участках домашней птицы. Мамы весной ходили с детьми покупать в магазине «Дом природы» цыплят, их там всегда «по весне продавали в коробках». «Как-то раз нам с подружкой достались два последних. Один из них был с больной ножкой – она неестественно загибалась кверху. Дедушка сделал цыпленку костыль из щепки, и он отлично выучился с ним бегать» [23]. В этом бесхитростном воспоминании – квинтэссенция готовности и самим рассказчицам приравниваться, хоть к костылям из щепок, лишь бы вернуться вновь в ту пору, когда общей жизненной темой было соучастие, подспорье и подмога соседей и друзей.

Результаты. В палимпсесте приукрашенной, наполненной оптимизмом, молодостью и ностальгией женской социальной памяти между строк угадывается невысказанное. Большинству опрошенных пришлось в те годы очень тяжело.

Общая неустроенность быта, тревога о семье и детях (и лишь потом о себе), очевидная готовность жертвовать собой ради лучшего будущего – все это накладывало отпечаток на женскую повседневность. Среди зыбких границ смыслов, непроявленных чувств и отблесков идей, внушенных со страниц газет и с общих собраний, вдруг проскальзывает разочарование в том, что силы были потрачены в очередях, или сожаление о том, скольких усилий стоило в условиях тогдашних «советских трудовых будней» удержание мужей от алкоголизма. Рассказчицы, очевидно, были не просто надежным тылом для мужчин, строивших индустриальные гиганты, но и своеобразным гарантом того социального оптимизма, который воспитывался идеологией и который тогда позволил выжить, а сегодня вспоминать о тех годах, как о лучших в жизни. Общие трудности сплавивали и объединяли женщин, и тема взаимоподдержки больше запечатлелась в индивидуальной памяти ставропольчанок, нежели жительниц Жигулевска.

Образцовый быт, воспетый государственной пропагандой, с цветущими клумбами у подъездов и на балконах, с пышными застольями и яркими нарядами, давался «огромным трудом и при любой погоде» [6], и создавался он (если и был где-то запечатлен на фото) именно усилиями женщин. В обоих городах они умели стирать вручную горы белья, вставая в 5 утра, чтобы успеть в магазин на другой конец города, и одновременно замечать новую архитектуру, радоваться романтике родной Волги и помогать друг другу воспитывать в детях любовь к своему дому. Советский быт учил выживать и формировал характер, создававший рамки того социального оптимизма, которым окрашены литературные и кинопроизведения времен хрущевской оттепели. Разный уровень ведомственного снабжения Жигулевска и Ставрополя наложил отпечаток на женский быт и особенности домашней жизни, однако в социальной женской памяти (вопреки этому дисбаланс) со-

хранилось лучшее и затерто травматичное. Пережившие сложности и неудобства полвека, спустя годы смотрят на ту жизнь как на период, когда они верили в свои силы, и ставили на первый план человеческие отношения, а не продукты, жилье, машины и другие потребительские блага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимов Е. А. Семиотика бардовской песни: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2006. 23 с.
2. Анонимные воспоминания. 1951 г. р. Жигулевск (из семьи работников Куйбышевской ГЭС) // Авторский архив (далее – АА). 11.03.2023.
3. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 25–67.
4. Бурая И. В. Архитектура и планировка Жигулевска: К истории основания единственного города на территории Самарской Луки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (77). В 2 ч. Ч. 2. С. 23–25.
5. Ваиль П., Генис, А. 60-е. Мир советского человека. М.: Наука, 2001. 297 с.
6. Воспоминания Артюховой Н.Н., 1960 г. р. // АА. 19.05.2011.
7. Воспоминания Захаровой Н.Г. Ставрополь, 1934 г.р. (работница сферы торговли и общепита) // АА. 14.03.2023.
8. Воспоминания Ивановой В.А., 1947 г.р. Ставрополь (Тольятти). (Из семьи работников Куйбышевгидростроя) // АА. 11.03.2023.
9. Воспоминания Кучериной З.Н. Жигулевск, 1936 г. р. (работница Куйбышевгидростроя) // АА. 17.03.2023.
10. Воспоминания Романюк (в девичестве Байцева) А.А. (г. р. не известен). Ставрополь (Тольятти). (Работница Ставропольского химкомбината) // АА. 10.03.2023.
11. Воспоминания Саркисова В.А. // АА. 2022.
12. Воспоминания Э.К. 1958 г. р. Ставрополь (Тольятти). (Из семьи работников порта Ставрополя) // АА. 12.03.2023.
13. Высоцкий В. С. Исследования и материалы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 244 с.
14. Кондратьев В. От Ставрополя до Тольятти // Хронограф. Фотоблог В. Кондратьева. 14.03.2012. URL: <https://chronograph.livejournal.com/106709.html>
15. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. 1920–30 гг. СПб.: Летний сад, 1999. 350 с.
16. Матвеева Л. Счастье быть первым // Гидростроитель. 1968. 2 сент. С. 1.
17. Мельник С. Жигулевск изначальный // Релга: научно-культурологический журнал. 2022. № 10. С. 45–48.
18. Мельник С. Г. Рукотворный город: как строился Тольятти. Ч. 36. Остров Шлюзовой. URL: <https://tltgorod.ru/reporter/?reporter=57052>
19. Мухина З. З. Повседневная жизнь женщины-крестьянки в пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 155–176.
20. Пещерова Н. Саркисов: человек своего поколения // Жигулевский рабочий. 2021. 4 окт.
21. Пушкарева Н. Л. Гендерная система в советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 8–24.
22. Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В., Белов С. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3-1. С. 95–103.
23. Свичкарь Т. Старый Жигулевск // Жигулевский рабочий. 2021. 8 окт.
24. Слесаренко Л. И. О медиках и медицине (1950–1978) // История Ставрополя-Тольятти: Научно-просветительский проект ТГУ. URL: <https://1737.tltsu.ru/?p=476>
25. Ткаченко Т. и др. «Взрывали все, что не могли перенести» // СамараОнлайн. Город. Подробности. 13.12.2021. URL: <https://63.ru/text/gorod/2021/12/13/70313486/>
26. Тольятти. «Трижды рожденный...» // Архитектура и строительство г. Тольятти. URL: <https://web.archive.org/web/20111115203935/http://www.gadtl.ru/>
27. Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Harvard, Harvard University Press, 1994. 368 p.
28. Ilić M. Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From “Protection” to “Equality”. L.: Palgrave Macmillan, 1998. 251 p.
29. Lapidus G. W. Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. Los Angeles: University of California Press, 1978. 370 p.

REFERENCES

1. Abrosimova E.A. *Semiotika bardovskoy pesni: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Semiotics of a Bard's Song. Cand. philol. sci. abs. diss.: 10.02.01]. Omsk, 2006. 23 p.
2. Anonimnyye vospominaniya. 1951 g.r Zhigulevsk (iz semyi rabotnikov Kuybyshevskoy GES)

[Anonymous Memories. Born 1951 Zhigulevsk. (From a Family of Workers at the Kuibyshev Hydroelectric Station)]. *Avtorskiy arkhiv (daleye – AA)* [Author's Archive (hereinafter – AA)], 2023, Mar. 11.

3. Belova A.V. Zhenskaya povsednevnost kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskij i metodologicheskij aspekty [Women's Everyday Life as a Subject of the History of Everyday Life: Historiographical and Methodological Aspects]. *Rossijskaya povsednevnost v zerkale gendernyh otnoshenij* [Russian Daily Life in the Mirror of Gender Relations]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2013, pp. 25-67.

4. Buraya I.V. Arhitektura i planirovka Zhigulevska: K istorii osnovaniya edinstvennogo goroda na territorii Samarskoj Luki [Architecture and Planning of Zhigulevsk: On the History of the Founding of the Only City on the Territory of Samarskaya Luka]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences; Cultural Studies; and Art Criticism. Theory and Practice Issues]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 3 (77), in 2 pts., pt. 2, pp. 23-25.

5. Vail P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. World of the Soviet Man]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 297 p.

6. Vospominaniya Artyukhovoy N.N., 1960 g.r. [Memoirs of N.N. Artyukhova, Born in 1960]. *AA* [Author's Archive], 2011, May 19.

7. Vospominaniya Zakharovoy N.G. Stavropol, 1934 g.r. (rabotnitsa sfery trgovli i obshchepita) [Memoirs of Zakharova N.G. Stavropol, Born 1934 (Trade and Catering Worker)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 14.

8. Vospominaniya Ivanovoy V.A., 1947 g.r. Stavropol (Tolyatti). (Iz semyi rabotnikov Kuybyshevgidrostroya) [Memoirs of Ivanova V.A. Born 1947 Stavropol (Tolyatti). (From a Family of Kuibyshevgidrostroy Workers)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 11.

9. Vospominaniya Kucherinoy Z.N. Zhigulevsk, 1936 g.r. (rabotnitsa Kuybyshevgidrostroya) [Memoirs of Kucherina Z.N. Zhigulevsk, Born 1936 (Employee of Kuibyshevgidrostroy)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 17.

10. Vospominaniya Romanyuk (v devichestve Baytseva) A.A. (g.r. ne izvesten) Stavropol (Tolyatti). (Rabotnitsa Stavropolskogo khimkombinata) [Memoirs of Romanyuk (nee Baytseva) A.A. (Birth Unknown) Stavropol (Tolyatti). (Worker of the Stavropol Chemical Plant)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 10.

11. Vospominaniya Sarkisova V.A. [Memoirs of Sarkisov V.A.]. *AA* [Author's Archive], 2022.

12. Vospominaniya E.K. 1958 g.r. Stavropol (Tolyatti). (Iz semyi rabotnikov porta Stavropolya)

[Memoirs of E.K. Born 1958 Stavropol (Tolyatti). (From a Family of Stavropol Port Workers)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 12.

13. Vysotsky V.S. *Issledovaniya i materialy* [Research and Materials]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1990. 244 p.

14. Kondratyev V. Ot Stavropolya do Tolyatti [From Stavropol to Togliatti]. *Hronograf. Fotoblog V. Kondratyeva*. [Chronograph. Photoblog by V. Kondratyev], 2012, Mar. 14. URL: <https://chronograph.livejournal.com/106709.html>

15. Leбина N.B. *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda. 1920–30 gg.* [Daily Life of the Soviet City. 1920–30s]. Saint Petersburg, Letnitsad Publ., 1999. 350 p.

16. Matveeva L. Schastye byt pervym [Happiness of Being First]. *Gidrostroytel* [Hydrobuilder], 1968, Sep. 2, p. 1.

17. Melnik S. Zhiuglevsk iznachalnyj [Zhuglevsk Original]. *Relga: nauchno-kul'turologicheskij zhurnal* [Relga: Scientific and Cultural Journal], 2022, no. 10, pp. 45-48.

18. Melnik S.G. *Rukotvornyj gorod: kak stroilsya Tolyatti. Ch. 36. Ostrov Shlyuzovoj* [Man-Made City: How Togliatti Was Built. Gateway Island]. URL: <https://tltgorod.ru/reporter/?reporter=57052>

19. Muhina Z.Z. Povsednevnyaya zhizn zhenshchiny-krestyanki v poreformennoj Rossii [Everyday Life of a Peasant Woman in Post-Reform Russia]. *Rossijskaya povsednevnost v zerkale gendernyh otnoshenij* [Russian Everyday Life in the Mirror of Gender Relations]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2013, pp. 155-176.

20. Peshcherova N. Sarkisov: chelovek svoego pokoleniya [Sarkisov: Man of His Generation]. *Zhigulevskij rabochij* [Zhigulevsky Worker], 2021, Oct. 4.

21. Pushkareva N.L. Gendernaya sistema v sovetskoj Rossii i sudby rossiyanok [Gender System in Soviet Russia and the Fate of Russian Women]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2012, iss. 117, pp. 8-24.

22. Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V., Belov S. «Taezhnye leningradki»: povsednevnyaya zhizn zhenshchin Angarska v 1950-h – 1960-h gg. [“Taiga Leningradki”: Daily Life of the Women of Angarsk in the 1950s – 1960s]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2022, no. 3-1, pp. 95-103.

23. Svichkar T. Staryj Zhigulevsk [Old Zhigulevsk]. *Zhigulevskij rabochij* [Zhigulevsky Worker], 2021, Oct. 8.

24. Slesarenko L.I. O medikah i medicine (1950–1978) [About Doctors and Medicine (1950–1978)]. *Istoriya Stavropolya-Tolyatti: Nauchno-prosvetitel'skiy proyekt TGU* [History of Stavropol-Togliatti: TSU Scientific and Educational Project]. URL: <https://1737.tltsu.ru/?p=476>

25. Tkachenko T. et al. «Vzryvali vse, chto ne mogli perenesti» [“Blowing up Everything That Couldn’t Be Moved”]. *SamaraOnlayn. Gorod. Podrobnosti* [SamaraOnline. City. Details], 2021, Dec. 13. URL: <https://63.ru/text/gorod/2021/12/13/70313486/>

26. Tolyatti. «Trizhdy rozhdenyj...» [Tolyatti. “Thrice-Born...”]. *Arhitektura i stroitelstvo g. Tolyatti* [Architecture and Construction of Togliatti]. URL: <https://web.archive.org/web/20111115203935/http://www.gradtlt.ru/>

27. Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Harvard, Harvard University Press, 1994. 368 p.

28. Iliç M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From “Protection” to “Equality”*. London, Palgrave Macmillan, 1998. 251 p.

29. Lapidus G.W. *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. Los Angeles, University of California Press, 1978. 370 p.

Information About the Authors

Natalya L. Pushkareva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, info@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Alexander V. Zhidchenko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for Gender Studies, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, travel822@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Информация об авторах

Наталья Львовна Пушкарёва, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, info@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Александр Владимирович Жидченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, travel822@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>